

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-64-71

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата поступления: 02.04.2024
рецензирования: 10.05.2024
принятия: 27.05.2024

Российский уголовный процесс: и инквизиционность, и состязательность

А. А. Тарасов

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Российская Федерация; Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aatar@mail.ru

Аннотация: Вопрос о состязательности современного российского уголовного процесса является одним из наиболее дискуссионных в науке. Автор придерживается позиции, согласно которой в современном российском уголовном процессе, сохраняющем приверженность его континентально-европейской, то есть смешанной модели, инквизиционное (розыскное) досудебное производство сочетается с состязательным судебным производством по уголовным делам. Досудебное производство – это деятельность государства по формированию и обоснованию обвинения для предъявления его в суде при наличии к тому оснований, либо по отказу от дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности при отсутствии таких оснований. Состязательность судебного разбирательства позволяет суду с активным участием сторон обвинения и защиты установить обоснованность либо необоснованность переданного на рассмотрение суда государственного обвинения и разрешить уголовное дело. Возможность для стороны защиты на равных состязаться со стороной обвинения в процедурах судебного разбирательства позволяет считать состязательность уголовного судопроизводства универсальным его принципом.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; досудебное производство по уголовным делам; судебное производство по уголовным делам; доказывание по уголовным делам; публичность; состязательность; инквизиционное (розыскное) начало.

Цитирование. Тарасов А. А. Российский уголовный процесс: и инквизиционность, и состязательность // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 64–71. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-64-71>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Тарасов А. А., 2024

Александр Алексеевич Тарасов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Институт права, Уфимский университет науки и технологий, 450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 02.04.2024
Revised: 10.05.2024
Accepted: 27.05.2024

Russian criminal procedure: both inquisition and adversary

A. A. Tarasov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation; Samara
National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: aatar@mail.ru

Abstract: The question of the adversarial nature of modern Russian criminal proceedings is one of the most controversial in science. The author adheres to the position that in modern Russian criminal proceedings, which remain committed to its continental European, that is, mixed model, inquisitorial (search) pre-trial proceedings are combined with adversarial judicial proceedings in criminal cases. Pre-trial proceedings are the activities of the state to form and substantiate charges for bringing them in court if there are grounds for this, or to refuse further criminal procedural activities in the absence of such grounds. The adversarial nature of the trial allows the court, with the active participation of the prosecution and defense, to establish the validity or unfoundedness of the state charge submitted to the court and resolve the criminal case. The opportunity for the defense to compete on an equal footing with the prosecution in court proceedings allows us to consider adversarial criminal proceedings to be its universal principle.

Key words: criminal process; criminal proceedings; pre-trial proceedings in criminal cases; judicial proceedings in criminal cases; evidence in criminal cases; publicity; adversarial process; inquisitorial (search) principle.

Citation. Tarasov A. A. *Rossiiskii ugolovnyi protsess: i inkvizitsionnost', i sostyazatel'nost'* [Russian criminal procedure: both inquisition and adversary]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 64–71. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-64-71> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Tarasov A. A., 2024

Alexander A. Tarasov – Doctor of Laws, professor, head of the Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi, Ufa, 450076, Russian Federation; professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Закрепление в ст. 15 УПК РФ 2001 года принципа состязательности сторон в российском уголовном судопроизводстве создало некую почву для представления о его универсальном характере для всех стадий уголовного процесса, который мы еще с советских времен привыкли понимать как синоним уголовного судопроизводства. В последние годы правомерность такого отождествления не без оснований поставлена под сомнение [1], но в литературе начала 2000-х годов это законодательное решение вызвало очень разные, но неизменно бурные реакции: и крайнее неприятие, и искреннее удивление, и нескрываемый восторг. Однако если в отношении судебного производства по уголовным делам всегда была относительная ясность, ибо стороны обвинения и защиты имели как минимум процедурно обеспеченную возможность на равных состязаться перед судом, выступающим в процессе единственным носителем властных полномочий, то в отношении досудебного производства с самого начала вопросов было гораздо больше, чем ответов. *Во-первых*, в ч. 4 ст. 15 УПК РФ прямо сказано о равноправии сторон защиты и обвинения только перед судом, то есть только в тех процедурах, в которых участвует суд. *Во-вторых*, необходимое для состязательности сторон процессуальное равенство между стороной обвинения, представленной государственными органами, обладающими властью, и стороной защиты, не имеющей властных полномочий нигде в мире, изначально не выглядело сколько-нибудь реальным. *В-третьих*, российский уголовный процесс, оставаясь в континентально-европейской правовой семье, сохраняет уголовно-процессуальную форму досудебного производства, которая без участия властвующих субъектов не существует и не может существовать.

Рассмотрим несколько подробнее и сами законодательные решения, и доктринальные поиски, которыми сопровождалось и продолжает сопровождаться обозначение «состязательности сторон» принципом уголовного судопроизводства в ст. 15 УПК РФ.

В уголовно-процессуальном законе сразу же появились декларативные, если не сказать «декоративные», положения, которые были призваны подчеркнуть распространение принципа состязательности и на досудебное производство по уголовным делам тоже.

Только так, как полагаем, можно было оценить предоставленное защитнику в ч. 3 ст. 86 УПК РФ право «собирать доказательства», притом что в

ч. 1 этой же статьи собирание доказательств обозначалось как властная правоприменительная деятельность прямо названных здесь субъектов, а в ч. 2 ст. 74 УПК РФ в исчерпывающем перечне обозначены виды доказательств, собрать которые в уголовно-процессуальном виде мог только властвующий субъект, имеющий полномочия по данному уголовному делу. Некоторый намек на состязательность доказывания можно было усмотреть в собирании защитником такого доказательства, как «иные документы», а отчасти и в «вещественных доказательствах», однако и здесь все было не так просто. Любой документ в досудебном производстве приобретает доказательственную силу только в случае приобщения его к уголовному делу должностным лицом, в производстве которого оно находится. Что касается «вещественных доказательств», то об их приобщении к делу и вообще требуется отдельное, прямо предусмотренное в УПК РФ постановление следователя (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). С учетом этого защитник собирал вовсе не сами доказательства, а лишь предметы и документы, которые только потенциально могли стать доказательствами по уголовному делу, если должностное лицо сочтет возможным их к этому делу приобщить.

Закрепление в УПК РФ заведомо эфемерного права защитника собирать доказательства в досудебном производстве, по сути, было почти закономерным следствием того иллюзорного представления, будто бы равноправное состязание сторон вне судебных процедур вообще возможно. Сегодня, анализируя опыт обсуждения на разных научных форумах этой законодательной новеллы в первые годы действия УПК РФ, приходим к выводу, что юристы, поддержавшие тогда идею собирания доказательств защитником, слишком уж охотно увлеклись этой иллюзией, так что не захотели по-настоящему вникнуть в содержание текста даже самих этих законоположений. На самом деле, согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитнику разрешалось разговаривать с людьми, если они против этого не возражали, и вести переписку с теми организациями, с которыми сам адвокат и его доверитель хотели переписываться. Ничего другого в ч. 3 ст. 86 УПК РФ не предусмотрено, и никаких новых прав защитнику в сравнении с УПК РСФСР 1960 года предоставлено не было, помимо разве что более раннего вступления в процесс по всем уголовным делам, что само по себе действительно значило для правозащитной практики очень много.

Сторонников собирания доказательств защитником не смутила двусмысленность формулировки п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ: «истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставить запрашиваемые документы или их копии». Из приведенного положения УПК РФ не ясно, адресаты обращения защитника, то есть адвокатского запроса, обязаны предоставить документы, истребуемые защитником, в силу процитированного законоположения, либо защитник вправе обратиться с требованием предоставить эти документы только к тем организациям, которые имеют такую обязанность в силу каких-то иных нормативно-правовых требований. Обязан ли, например, банк предоставить документы, содержащие банковскую тайну, по адвокатскому запросу? Нет. Обязана ли медицинская организация по такому же запросу предоставить сведения, составляющие врачебную тайну? Тоже нет. Думается, этот перечень можно продолжить почти до бесконечности – нотариальная, коммерческая, патентная, личная и семейная и практически все другие виды охраняемой законом тайны защитнику недоступны. Разумеется, не исключено, что какие-то организации по доброй воле или по недосмотру своих сотрудников, а то и просто вследствие их служебных злоупотреблений что-то предоставят адвокату-защитнику, но уголовно-процессуальный закон здесь вообще ни при чем.

Проблема официального введения в уголовный процесс сведений, предметов и документов, полученных защитником, действительно заслуживает детального научного анализа и все время действия УПК РФ привлекает к себе внимание исследователей [2, с. 98–108; 3, с. 217–224]. Однако повторимся: это вовсе не вопрос о собирании уголовно-процессуальных доказательств защитником и не вопрос реализации принципа состязательности в досудебном производстве по уголовным делам. Это вопрос взаимоотношений участников процесса, не наделенных властными полномочиями, с представителями государства, этими полномочиями обладающими. И нельзя не заметить, что в любом солидном научном исследовании подчеркивается принципиальная разница в характере этих взаимоотношений с властвующими субъектами вне судебных процедур и в судебном разбирательстве, на каких бы позициях ни стоял автор в отношении самого «собирания доказательств защитником» [2, с. 104; 3, с. 221].

Немногие исследователи решались на заявление, что «принцип состязательности распространяется на все уголовное судопроизводство, а потому стороны на разных стадиях уголовного процесса должны обладать равными процессуальными правами [4, с. 86]». Следующий вопрос, на который авторам такого подхода придется отвечать, – как это возможно, чтобы должностное лицо, обладающее властью, имеющее право применять принуждение и в получении доказательств, и для обеспе-

чения собственной беспрепятственной работы по уголовному делу, имело бы равные процессуальные права со стороны защиты, которая властью не обладает. В этой связи справедливо замечание Л. М. Володиной: «В ходе осуществления предварительного расследования следователь, дознаватель используют инструментарий, который дает им право на применение властных полномочий, не всегда или вовсе не отвечающих интересам стороны защиты» [5]. Понятно, что у «равноправной» с обвинителем стороны защиты такого инструментария в отношении властвующего субъекта нет и быть не может.

По признанию большинства авторов, речь в досудебном производстве может идти только об «элементах состязательности» [6, с. 145; 7, с. 114], которые традиционно связывают с наличием **сторон обвинения и защиты** в предварительном расследовании и с **судебным контролем**. Перспективы же расширения реализации принципа состязательности столь же традиционно связывают с введением в российское досудебное производство новой процессуальной фигуры – **следственного судьи** [7, с. 115].

Начнем с последнего из перечисленного. Идея **следственного судьи** с самого начала современной российской судебной реформы, то есть с начала 1990-х годов, многим казалась некой панацеей, способной обеспечить состязательность в досудебном производстве. Как видим, подобное представление сохраняется и сейчас. Единственное, в отношении чего у авторов нет разногласий, – это то, что введение в российский уголовный процесс нового участника – представителя судебной власти со столь же принципиально новым процедурным обеспечением его деятельности – это проект, требующий тщательной научной проработки, кадрового обеспечения и немалых финансовых вложений на разных этапах его подготовки и реализации. Что касается конкретных авторских предложений по законодательному и организационному воплощению этой идеи, то здесь обнаруживается такое разнообразие авторских суждений, что останавливаться на нем специально в объеме одной статьи не считаем возможным. Покажем лишь, насколько легко идея следственного судьи, кажущаяся универсальным средством решения многих проблем российского досудебного производства по уголовным делам, доводится до крайности, если не сказать – до абсурда.

К. А. Наумов в кандидатской диссертации «Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России», то есть, судя по названию, претендующей на некий концептуальный уровень обобщения, в числе положений, выносимых на защиту, называет следующее: «Предварительное следствие должно осуществляться следователями, входящими в систему федеральных судов России. Руководитель органа предварительного следствия на уровне Российской Федерации должен занимать должность заместителя председателя Верховного Суда и суда субъекта Российской Федерации соот-

ветственно [8, с. 9]». Идея следственного судьи наложилась здесь на глубоко укоренившийся стереотип российского профессионального юридического мышления, связанный со стремлением решать проблемы отечественного правосудия ведомственным распределением чиновников, занятых в разных его сферах. Предложение К. А. Наумова основано на игнорировании главного принципа существования судебной власти – независимости судей. Не только судебной власти в целом как одной из трех ее ветвей, а именно – самих судей, по определению не имеющих над собой никакой вертикали власти и подчинения. Судебные следователи в Российской империи были действительными членами окружных судов и не меняли этого статуса на время производства предварительного следствия, а лишь не имели права рассматривать по существу уголовные дела, по которым они сами его вели. Иерархическое организационное построение следственного ведомства, характерное для сегодняшнего следственного аппарата России, Л. В. Головки метко назвал одним из признаков «полицеизации» предварительного следствия [9, с. 265]. К. А. Наумов, по сути, предлагает подвергнуть «полицеизации» и судебную власть, хотя сам, похоже, этого и не осознает.

Относительно **судебного контроля** в контексте анализа «элементов состязательности» в досудебном производстве позволим себе утверждать следующее. Наличие судебного контроля, то есть судебного порядка разрешения отдельных правовых вопросов, затрагивающих правовые интересы носителей разных процессуальных функций, – это вовсе не внедрение состязательных начал в само досудебное производство. Это – самостоятельные судебные разбирательства, совпадающие во времени с досудебным производством по уголовному делу в связи с тем, что предметом рассмотрения в суде становится социальный конфликт, возникший в связи с применением власти ее носителями в отношении лиц, властью не наделенных. Таким образом, состязательность имеет место вовсе не в самом досудебном производстве по уголовному делу, а в специальных судебных процедурах, созданных законодателем для разрешения подобных социальных конфликтов. Аналоги таких судебных процедур можно найти и в отношении других видов государственной деятельности, в которых предусмотрено обращение в суд самих государственных органов в защиту публичного интереса и обжалование в суд действий государственных органов гражданами и их объединениями. Таковы, например, признание судом по искам прокуратуры недействительными сделок с недвижимостью в пользу должностных лиц, их супругов и родственников в соответствии с антикоррупционным законодательством. Таково же обжалование гражданами в суд действий избирательных комиссий в связи с участием в избирательных кампаниях разных уровней. Состязательные судебные процедуры в подобных случаях вовсе не являются частью самой государственной деятельности (по

выявлению фактов коррупции, или по организации выборов, или каких-то других) и не делают состязательной саму эту деятельность. То же и с досудебным производством по уголовным делам. Полагаем, что не случайно в п.п. 51–52 ст. 5 УПК РФ «судебным разбирательством» названо любое судебное заседание суда любой инстанции, в том числе и судебное заседание по рассмотрению ходатайств и жалоб в досудебном производстве. Состязательным является само судебное разбирательство, независимо от предмета рассматриваемого и разрешаемого спора.

Полагаем, что в этой части можно согласиться с мнением Н. В. Азаренка о том, что судебный контроль закреплен в Конституции РФ не для реализации принципа состязательности в досудебном производстве, а для охраны конституционных прав и законных интересов личности и для обжалования действий правоохранительных органов [10, с. 345].

Ни одна из идей, связанных с обеспечением состязательности в российском уголовном процессе, не существует сама по себе, изолированно от ментальных установок ее автора. Не существуют эти идеи и в отрыве от той правовой реальности, которая формируется не в одночасье, не в кабинетах теоретиков и не одними лишь волевыми решениями законодателей, даже если эти идеи будут воплощены в текстах законов.

Так, например, профессор Н. Г. Муратова, много лет успешно работающая адвокатом, в контексте анализа состязательности досудебного производства предлагает: «*Развенчать очередной миф* – об обязанности стороны обвинения опровергнуть доводы защиты – значит найти и предложить процессуальную модель поведения правоприменителя, где такой его стандарт поведения будет обязателен» [11, с. 33]. Что именно здесь названо мифом, если такая обязанность прямо возложена на обвинителя в ч. 2 ст. 14 УПК РФ, которую Н. Г. Муратова почти дословно цитирует, понять довольно непросто. Сторона обвинения в досудебном производстве и является правоприменителем, о модели поведения которого пишет автор. Далее по тексту нет объяснений, что именно необходимо развенчать, но показано, что следователи игнорируют те процессуальные заявления защитников, которые сами защитники считают обоснованными. Так вот для этого, как полагаем, и существуют состязательные процедуры судебного разбирательства по уголовному делу в целом и судебные же процедуры судебного контроля, предполагающие процессуальную активность сторон. А то, что современную практику рассмотрения и разрешения ходатайств стороны защиты есть основания оценивать критически, причем не только в досудебном, но и в судебном производстве [12, с. 14], в обосновании специальном не нуждается. Куда полезнее, на наш взгляд, развенчать миф о действии принципа состязательности в досудебном производстве по уголовным делам. Признание розыскного характера досудебного производства

само по себе диктует необходимость не воспитательных мер в отношении следователей и дознавателей, не идеологических деклараций в тексте закона, а создание и обеспечение надежных процедурных механизмов защиты прав и законных интересов участников процесса. Классический пример такого механизма – обязательность удовлетворения судом ходатайства о допросе в качестве эксперта или специалиста лица, явившегося в суд по инициативе стороны (ч. 4 ст. 271 УПК РФ), сделавшая для следователей и дознавателей практически нецелесообразным и невыгодным отказ стороне защиты в допросе этих лиц в досудебном производстве. Этот совсем не яркий и немногословный законодательный «штрих» дал стороне защиты гораздо больше, нежели прямо предусмотренное в ч. 3 ст. 86 УПК РФ эфемерное право защитника собирать доказательства.

Именно поэтому более продуктивным, нежели отстаивание состязательных начал досудебного производства в уголовном процессе России, видится развитие комплекса процессуальных механизмов, объединенных в науке под общим названием «благоприятствование защите» (*favor defensionis*) именно в контексте непризнания за состязательностью «сквозного характера» для всех стадий процесса [13, с. 107]. Как это ни странно, но именно признание отсутствия состязательности в досудебном производстве любого континентально-европейского, и российского в том числе, уголовного процесса, именно констатация неизбежного фактического неравенства носителей властных полномочий и тех участников процесса, у которых таковых нет, позволяет обеспечивать права стороны защиты максимально эффективно. Во-первых, признавая это неравенство и прямое несовпадение процессуальных интересов, законодатель, защищая конституционные права всех людей, вынужден возлагать на следователя дополнительные обязанности компенсационного свойства – такова, например, обязанность следователя не только разъяснить права, обязанности и ответственность участникам процессуальных действий, но и обеспечить их реализацию (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Это правило, заметим, появилось в УПК РФ в 2001 году впервые. Во-вторых, официальное признание несостязательного, то есть розыскного, или инквизиционного (считаем эти термины синонимами), характера досудебного производства стимулирует законодателя к созданию компенсаторных механизмов в состязательном судебном разбирательстве, позволяющих ликвидировать последствия фактического неравенства до суда. В-третьих, суды в связи с законодательной констатацией обвинительного характера деятельности всех властвующих субъектов в досудебном производстве не будут принимать на веру доказательства, собранные обвинителем, каким бы объективным в своем расследовании он ни был, а будут заново исследовать доказательства, представленные обеими

сторонами, при активном их участии, формируя собственное убеждение по поводу доказанности предмета и оснований публичного уголовного иска. И наконец, в-четвертых, если суд будет занимать именно такую, нейтральную в отношении сторон позицию, то постепенно и в досудебном производстве органы уголовного преследования привыкнут к максимально объективному исследованию обстоятельств дела, к несомненному доказыванию виновности с опровержением всех доводов защиты, причем не только реально выдвинутых ею, но даже и потенциально возможных, которые неожиданно могут быть впоследствии выдвинуты в суде.

Признание розыскного (инквизиционного) характера досудебного производства по уголовным делам, на наш взгляд, позволяет гораздо полнее использовать правозащитный потенциал уголовно-процессуального регулирования, нежели попытки расширения иллюзорных состязательных начал предварительного расследования. Эта проблема нуждается в детальной научной разработке, поскольку поиск ее практического решения сопряжен с выявлением многих теоретических неясностей. Так, С. А. Шейфер, безоговорочно признавая розыскной характер досудебного производства в России [6, с. 132], считает возможным настаивать на необходимости «укрепления его состязательных начал» и посвящает путем такого укрепления специальный раздел монографии о досудебном производстве [6, с. 136–148]. Трудно не видеть в этом противоречия.

Н. В. Азаренок, обосновывая розыскной характер досудебного производства в России, утверждает, что в досудебном производстве романо-германской формы защитник не является стороной правового спора, а выступает лицом, оказывающим квалифицированную юридическую помощь подозреваемому, обвиняемому в его противодействии уголовному преследованию. Этот вывод в диссертации звучит несколько раз, где-то с дополнением «равной со следователем» (стороной), где-то без этого дополнения, но очень настойчиво и однозначно [10, с. 335, 347]. Между тем термин «противодействие» как раз свидетельствует о наличии правового спора между обвиняемым или подозреваемым, с одной стороны, и лицами, осуществляющими уголовное преследование, с другой стороны. Возможно ли, что профессионал, оказывающий квалифицированную юридическую помощь стороне в правовом споре, сам от этого спора настолько абстрагировался, что и во все в нем не участвует? Факт неравноправия того, кто не обладает властью, будь то уголовно преследуемое лицо или адвокат-защитник, в споре с тем, кто обладает властью, вовсе не означает отсутствие этого спора. В докторской диссертации Н. В. Азаренка, как полагаем, обоснование розыскного начала российского досудебного производства сопряжено с подведением теоретической базы под некое идеальное представление о правоохранительной деятельности. В таком идеальном

представлении предварительное расследование всегда осуществляется высокопрофессиональными людьми «в белых одеждах», руководствующимися исключительно публичными интересами, не помышляющими о собственных материальных, карьерных и иных личных устремлениях, названных в теории уголовного права «ложно понятыми интересами службы». Однако реальность, увы, не всегда такова, и эффективные правозащитные механизмы как раз и существуют для того, чтобы вовремя предотвратить негативные последствия, в том числе и непрофессионализма, и избыточного служебного рвения вопреки законности, и злоупотреблений властью самого разного свойства.

Наиболее обоснованной представляется позиция по вопросу о состязательности российского уголовного процесса, сформулированная Л. В. Головкин: «Государство не только не может, но и не должно состязаться со своими гражданами. Оно обязано сделать другое: во-первых, обеспечить подозреваемому и обвиняемому в ходе несостязательного предварительного расследования право на защиту; во-вторых, так организовать судебное разбирательство, разделив функции своих представителей (суда и прокурора) и наделив одного из них функцией стороны обвинения (без процессуальной власти), а другой функцией правосудия (с полной процессуальной властью), чтобы судебное разбирательство было максимально состязательным. Никакой другой состязательности в уголовном процессе не бывает» [14, с. 13].

С этих позиций, как полагаем, и надлежит отвечать на любые вопросы, связанные с характером досудебного и судебного производства. Все досудебное производство по уголовным делам – с момента поступления сообщения о совершенном или готовящемся преступлении до принятия по нему итогового документа предварительного расследования, каким бы он ни был, – это инквизиционная (розыскная) деятельность органов уголовного преследования, нацеленная на формулирование и обоснование публичного уголовного иска, направляемого затем на разрешение суда, либо – при отсутствии оснований для выдвижения публичного уголовного иска перед судом – на отказ от уголовного преследования конкретных лиц или кого бы то ни было по данному факту (ввиду отсутствия события или состава преступления в исследуемом событии) и прекращение по нему дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности. В состязательном судебном разбирательстве рассматриваемый публичный уголовный иск проходит «испытание на прочность», и в процедурах судебного разбирательства обвинитель уже не имеет власти – единственным носителем таковой выступает суд, перед которым на равных состязаются стороны обвинения и защиты. Если эта схема взаимоотношений работает правильно, то едва ли найдутся желающие высказать по ее поводу сколько-нибудь значимые претензии – неравноправие до суда компенсируется равенством прав в состязательных судебных процедурах. Оптимальное решение про-

блем распределения розыскных и состязательных начал в российском уголовном процессе в науке предложено: «Отдельным кардинальным вариантом устранения обвинительного законодательного уклона из уголовного процесса является выделение двух отдельных нормативных правовых актов, посвященных расследованию и судебному производству [15, с. 295]».

Сформулируем итоговые выводы:

1. Закрепление в действующем УПК РФ 2001 года принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве не повлекло за собой утраты российским уголовным процессом его принадлежности к континентально-европейскому (смешанному) типу, для которого характерно сочетание инквизиционного (розыскного) досудебного производства и состязательного судебного разбирательства. Факт состязательности судебного разбирательства по уголовным делам во всех судебных инстанциях – достаточное основание для указания в законе состязательности уголовного судопроизводства как его принципа, и нет объективной необходимости в поисках элементов состязательности и в досудебном производстве тоже.

2. Российское предварительное расследование – плод как минимум двухвековой эволюции, в результате которой органы предварительного следствия сформировались как органы, осуществляющие расследование преступлений, уголовное преследование от имени государства и подготовку под надзором прокуратуры государственного обвинения (публичного уголовного иска) для рассмотрения его в суде, а при выявлении в ходе расследования отсутствия оснований для направления уголовного дела в суд – прекращение уголовного преследования. Фигура следственного судьи в настоящее время относится скорее к области благих намерений отдельных авторов, в суждениях которых больше противоречий, чем согласующихся между собою идей.

3. Досудебное производство по уголовным делам – это инквизиционная (розыскная) деятельность по формулированию и обоснованию публичного уголовного иска в условиях взаимодействия нескольких органов уголовного преследования, по закону обязанных предоставлять потенциальному ответчику максимальные возможности для опровержения исковых требований еще до того, как иск попадет в суд для рассмотрения и разрешения в состязательной процедуре с угрозой отказа государству в иске, то есть постановления оправдательного приговора. Стремление к обоснованности публичного уголовного иска обязывает следователя и прокурора быть объективными в исследовании обстоятельств уголовного дела и принятии решений о направлении уголовного дела в суд.

4. Судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам – это вовсе не проявление состязательного начала в самом досудебном производстве и не часть его самого. Судебный контроль – это использование состязательных процедур судебного разбирательства для предотвращения нарушений конституционных и иных

прав лиц, чьи правовые интересы затрагиваются инквизиционной деятельностью органов уголовного преследования, и для защиты нарушенных прав этих лиц. Наличие состязательных процедур судебного контроля в досудебном производстве – это дополнительный аргумент в пользу **несостязательного**, то есть инквизиционного характера самого досудебного производства.

Библиографический список

1. Лазарева В. А. Уголовный процесс ≠ уголовное судопроизводство // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vvpeob>.
2. Закотянский А. С. Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам: монография. Москва: Юрлитинформ, 2015. 192 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008036294/?ysclid=lxn0bqi1j6341600745.
3. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт. 2016. 359 с. URL: <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processe-388679>.
4. Кругликов А. П., Дикарев И. С., Бирюкова И. А. Принципы уголовного процесса Российской Федерации: учеб. пособие / ВолГУ; под ред. проф. А. П. Кругликова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 194 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20079381>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxkigv>.
5. Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018. 296 с.
6. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. Москва: Норма: Инфра-М, 2013. 192 с. URL: https://infra-m.ru/catalog/pravo_yuridicheskie_nauki/dosudebnoe_proizvodstvo_v_rossii_etapy_razvitiya_sledstvennoy_sudebnoy_i_prokurorskoy_vlasti_1/.
7. Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. Г. С. Русман, С. М. Даровских. Москва: Проспект, 2022. 336 с. URL: <https://book.ru/book/948460>.
8. Наумов К. А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.09). Омск, 2021. 22 с. URL: <https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2016/07/Автореф-Сущность-и-построение-досудебного-производства-в-уголовном-процессе-России.pdf>.
9. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. Москва: Издательский Дом «Городец», 2022. 464 с. URL: <https://www.iuaj.net/node/3133?ysclid=lxn20x9zgp565531066>.
10. Азаренок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис. ... д-ра юрид. наук (12.00.09). Екатеринбург, 2021. 547 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50482775>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dqszae>.
11. Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Колоколова. Ч. 1. Москва: Юрлитинформ, 2013. 368 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23155903>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmssyn>.
12. Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как «градообразующий» элемент сущности уголовного процесса // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1 (71). С. 10–16. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.1.2>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dxkxaa>.
13. Соловьев С. А. Благоприятствование защите (favor defensionis): монография / под ред. Л. Н. Масленниковой. Москва: Норма, 2021. 296 с. URL: <https://www.iuaj.net/node/2917>.
14. Головкин Л. В. Идеи М. С. Строговича и современность: переосмысливая принцип состязательности // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 150-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конференции 24–25 октября 2019 г. Москва: Юрлитинформ, 2020. С. 5–13. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42217671>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uhgfaw>.
15. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: монография. Москва: Проспект, 2023. 320 с. URL: <https://book.ru/book/954085>.

References

1. Lazareva V. A. *Ugolovnyi protsess ≠ ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal procedure ≠ criminal justice]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vvpeob> [in Russian].
2. Zakotyanskiy A. S. *Problemy ispol'zovaniya neprotsessual'noi informatsii v dokazyvanii po ugovolnym delam: monografiya* [Problems of using non-procedural information in proving in criminal cases: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2015, 192 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008036294/?ysclid=lxn0bqi1j6341600745 [in Russian].
3. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 5-e izd., pererab. i dop.* [Evidence in criminal proceedings: textbook for undergraduate studies and Master's programme. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2016, 359 p. Available at: <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processe-388679> [in Russian].

4. Kruglikov A.P., Dikarev I. S., Biryukova I. A. *Printsipy ugovnogo protsessa Rossiiskoi Federatsii: ucheb. posobie. VolGU; pod red. prof. A. P. Kruglikova* [Principles of the criminal process of the Russian Federation: textbook; Kruglikov A. P. (Ed.)]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007, 194 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20079381>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxkigv> [in Russian].
5. Volodina L. M. *Naznachenie ugovnogo sudoproizvodstva i problemy ego realizatsii: monografiya* [Purpose of criminal proceedings and problems of its implementation: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2018, 296 p. [in Russian].
6. Sheifer S. A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti: monografiya* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial powers: monograph]. Moscow: Norma: Infra-M, 2013, 192 p. Available at: https://infra-m.ru/catalog/pravo_yuridicheskie_nauki/dosudebnoe_proizvodstvo_v_rossii_etapy_razvitiya_sledstvennoy_sudebnoy_i_prokurorskoy_vlasti_1 [in Russian].
7. *Printsipy ugovnogo protsessa: monografiya. Pod obshch. red. G. S. Rusman, S. M. Darovskikh* [Rusman G. S., Darovskikh S. M. (Eds.) Principles of criminal procedure: monograph]. Moscow: Prospekt, 2022, 336 p. [in Russian].
8. Naumov K. A. *Sushchnost' i postroenie dosudebnogo proizvodstva v ugovnom protsesse Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk (12.00.09)* [Essence and structure of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis (12.00.09)]. Omsk, 2021, 22 p. Available at: <https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2016/07/Автореф-Сущность-и-построение-досудебного-производства-в-уголовном-процессе-России.pdf> [in Russian].
9. Golovko L. V. *Gosudarstvo i ego ugovnoe sudoproizvodstvo: monografiya* [The state and its criminal proceedings: monograph]. Moscow: Izdatel'skii Dom «Gorodets», 2022, 464 p. Available at: <https://www.iuaj.net/node/3133?ysclid=lxn20x9zgp565531066> [in Russian].
10. Azarenok N. V. *Kontseptsiya sovershenstvovaniya rossiiskogo ugovnogo protsessa v ramkakh ego istoricheskoi formy: dis. ... d-ra yurid. nauk (12.00.09)* [Concept of improving the Russian criminal process within the framework of its historical form: Doctoral of Laws thesis (12.00.09)]. Yekaterinburg, 2021, 547 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50482775>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dqsaze> [in Russian].
11. *Teoriya ugovnogo protsessa: sostyazatel'nost': monografiya. Pod red. dokt. yurid. nauk N. A. Kolokolova. Ch. 1* [Kolokolov N. A. (Ed.) Theory of criminal process: adversarialism: monograph. Part 1]. Moscow: Yurlitinform, 2013, 368 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23155903>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmssyn> [in Russian].
12. Grigoryev V. N., Zaitsev O. A., Maksimov O. A. *Khodataistva i zhaloby kak «gradoobrazuyushchii» element sushchnosti ugovnogo protsessa* [Petitions and complaints as a fundamental element of the essence of criminal procedure]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], 2023, no. 1 (71), pp. 10–16. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.1.2>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dxkxaa> [in Russian].
13. Solovyev S. A. *Blagopriyatstvovanie zashchite (favor defensionis): monografiya. S. A. Solov'ev; pod red. L. N. Maslennikovoi* [Favor for defense (favor defensionis): monograph; Maslennikova L. N. (Ed.)]. Moscow: Norma, 2021, 296 p. Available at: <https://www.iuaj.net/node/2917> [in Russian].
14. Golovko L.V. *Idei M. S. Strogovicha i sovremennost': pereosmyslivaya printsip sostyazatel'nosti* [The ideas of M.S. Strogovich and modernity: rethinking the adversarial principle]. In: *Priroda rossiiskogo ugovnogo protsessa i printsip sostyazatel'nosti: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya M. S. Strogovicha: materialy konferentsii 24–25 oktyabrya 2019 g.* [Nature of the Russian criminal process and the adversarial principle: on the 150th anniversary of the birth of M. S. Strogovich: conference materials dated October 24–25, 2019]. Moscow: Yurlitinform, 2020, pp. 5–13. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42217671>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uhgfaw> [in Russian].
15. Sharipova A. R. *Kontseptual'nye osnovy mezhotraslevoi konvergentsii v sudebnom proizvodstve po ugovnym delam: monografiya* [Conceptual foundations of intersectoral convergence in judicial proceedings in criminal cases: monograph]. Moscow: Prospekt, 2023, 320 p. Available at: <https://book.ru/book/954085> [in Russian].